

Сусименко Елена Владимировна

кандидат социологических наук, доцент,
докторант ИППК
Южного федерального университета
тел.: (86352) 2-46-77

СПЕЦИФИКА ПАТ-ЗАВИСИМОСТИ ИЛИ ДЛИТЕЛЬНЫХ ВРЕМЕННЫХ ПРОТЯЖЕННОСТЕЙ РОССИЙСКО-СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация:

Для выявления пат-зависимости российско-советской истории представляется интересным использование материалов исследования О. Хархордина, источником для которого послужили документы истории Православной церкви, государства, КПСС, Советов на протяжении существования Московского княжества, Российской империи и СССР.

Ключевые слова:

Пат-зависимость, православная церковь, коммунистическая партия.

Susimenko Elena Vladimirovna

PhD in Sociology, Associate Professor,
Doctoral, Training Institute of
Southern Federal University
tel.: (86352) 2-46-77

SPECIFICITY OF PAT-DEPENDENT OR LONG TIME STRETCHES OF RUSSIAN-SOVIET HISTORY

The summary:

To identify pat-based Russian-Soviet history, it is interesting to study the use of materials O. Kharkhordin, which served as the source for the documents the history of the Orthodox church, the state, the Communist Party, the Soviets over the life of Muscovy, the Russian Empire and the USSR.

Keywords:

Pat-dependence, the Orthodox Church, the Communist Party.

Для выявления пат-зависимости российско-советской истории представляется интересным использование материалов исследования О. Хархордина, источником для которого послужили документы истории Православной церкви, государства, КПСС, Советов на протяжении существования Московского княжества, Российской империи и СССР.

Под влиянием связи власти – собственности – идеологии в России/СССР возник специфический холизм – тип индивида, коллектива и личности. Православное и большевистское отношение к личности и коллективу органически связаны. Коммунистический дискурс восходит к дискурсу Русской православной церкви о предназначении церковных судов, которые использовали процедуры обличения, увещания и отлучения. Главные пункты сходства православного и коммунистического дискурса – воспитание, увещание и исключение. Антирелигиозные большевики реализовали православный проект социального устройства. Основанием советской атеистической цивилизации был монастырь - идеальная церковная община. Такова ирония истории – исходная пат-зависимость советской власти.

О. Хархордин исходит из посылок: православие – господствующая религия России до 1917 г. После Октябрьской революции было принято «Положение об отделе по борьбе с преступлениями по должности» от 11 мая 1918 г., в параграфе 1 которого содержался призыв принять самые решительные меры для очищения рядов Советской власти от провокаторов, взяточников, авантюристов и т.п. [1], поскольку именно такого сорта люди пошли во власть под прикрытием органической связи православного и большевистского отношения к связи «личность – коллектив». В христианстве есть представление о семи смертных грехах. А в октябре 1924 г. Пленум ЦКК ВКП(б) установил перечень семи болезней партии: склоки, карьеризм, подсиживание; «онэпивание» (браки и другие личные контакты коммунистов с мелкой буржуазией); «хозобрастание» (коммунист уделял своему хозяйству больше внимания, чем общему делу); излишества в личной жизни и расходовании общественных средств; пьянство; половая распущенность и эксплуататорское отношение к женщине; участие в религиозных обрядах.

ЦКК также воплотила принципы церковного права и практику православных церковных судов. В конце XIX в. епархиальный архиерей применял 12 мер в отношении духовенства: замечание; простой или строгий выговор; поклоны; пеня и денежное взыскание; усугубление надзора; исключение за штат; отрешение от места; временное испытание в архиерейском доме и монастырях; временное запрещение священнослужения без отрешения, но с эпитимьей; то же, но с отрешением и с переводом в причетники; лишение сана с оставлением в духовном ведомстве; то же с исключением из ведомства. В основе деятельности церковных судов лежала евангельская логика, которая предполагала три процедуры: обличение грешника; увещание возврата к праведному образу жизни; отлучение от церкви.

Показательно выявленное О. Хархординим сходство между монастырским уставом Иосифа Волоцкого и теорией А.С. Макаренкио:

1. Одна и та же последняя (исключение) и предпоследняя (обвинение грешника перед братией) дисциплинарная мера.

2. Одно и то же ядро праведных (актив) для поддержки внутри группы святого поведения.

3. Одни и те же процедуры социализации новичков: только соборные братья могли обличать грех и указывать на нормы святой жизни; новоначальные монахи не имели никаких прав дисциплинировать других; доносы ради любви к ближнему; бессмысленные подвиги ради подчинения своей воли Богу (к числу таких подвигов относились: черпать воду, чтобы ее сразу вылить; разодрать ризу, чтобы зашить; сплести и расплести рогожу; стоять под солнцем по 9 часов, читая молитвы, и проч.); став монахом, бывший новоначальный налагал эти упражнения на новичков.

Существует очевидное сходство деятельности православных церковных судов (обличи, увещай, отлучи) и нормативных практик ЦКК. «... Дискурс ЦКК находит для себя интересный исторический прецедент – дискурс Русской православной церкви о предназначении церковных судов» [2, с. 35]. В целом, О. Хархордин считает, что взаимный надзор и увещание для дисциплинирования индивида – это пат-зависимость Д. Норта или длительные временные протяженности Ф. Броделя советской истории.

Детальный анализ О. Хархординим политической рутины на закате СССР подтверждает, что формы партийной жизни, основанные на покаянных ритуалах, пережили все превратности и эпохи массовых чисток, репрессий, военных лет, послевоенной коллективизации жизни: «Логика церковного суда действовала во внутренней жизни КПСС до последних дней существования партии. Триада «обличить – увещать – отлучить» все также пронизывала рутинизированные способы индивидуализации коммунистов» [2, с. 438].

Православная церковь давно подчеркивала значение совести в жизни верующих. Но массовое православие отличалось бездумным участием в ритуалах. Поэтому сектанство в России XVIII – XIX вв. было переходом к сознательной индивидуальной вере в Бога. После революции коммунистическая партия тоже усилила внимание к индивидуальной вере. Партийные чистки институционализировали проверку этой веры. Сознательность (совесть) «... как способность действовать в соответствии с высшей истиной – Библией или марксистским учением – объединяет протестантов и большевиков» [2, с. 47].

Главные отличия православного и коммунистического дискурса состоят в следующем: сознательность (совесть) объединяет протестантов и большевиков; в основе индивидуальной души на Западе лежала исповедь, а в основе индивидуальной души в России – покаяние; православно-коммунистическая коллективность закрепила практику горизонтального (а не вертикального, как на Западе) надзора; тирания власти в СССР опосредовалась коллективом; неформальные нормы массового поведения в СССР – это добровольный взаимный надзор.

Западноевропейская Реформация широко использовала практику исповеди. Российские коммунисты заменили ее православной практикой обличения: «Тем самым они вновь возродили ... древнюю практику, которая почти захирела в официальной православной церкви, и сделали ее главным советским механизмом удостоверения человека в обладании им или ей героической личности, исполненной святого долга. Эта радикальная реформация церковных практик, как и в западном случае, способствовала индивидуализации и привела к становлению личности, но особого качества. Если западный человек был рожден как исповедующееся животное, то советский индивид появился на свет как кающийся зверь» [2, с. 287]. В итоге обличение как выявление личности стало настолько присущим советской культуре, что стало почти незаметным в повседневной жизни.

Связь Православной церкви и большевистской партии породила специфическую пат-зависимость, в состав которой входят: дискурсы чисток, специфической трактовки медицинских проблем индивидуального тела, критики и самокритики (разновидность монашеской практики самобичевания), слияния чистки сверху и самокритики снизу, констелляция чистки, самокритики и коллектива как предпосылка террора, диалектика (в виде «линии партии»), ударничество. (Практика советского ударничества также базируется на христианской религии. Техника выявления сознательности с помощью революционных дел была повтором и пародией лютеранского лозунга «Только верой (в данном случае делами) спасен будешь»). Советский индивидуализм возник в правящей партии как реакция на криминализацию общих практик поведения. Главная цель российско-советской индивидуализации – поиск скрытых мотивов поведения людей.

В обмен на согласие государства казнить еретиков Русская православная церковь отказалась от права противостоять власти. Этим объясняется связь христианского обличения, социальной шизофрении и советской личности. В советское время это выразилось в институтах

работы над собой и принципе соединения доктрины с жизнью как аналога религиозно-догматического образования. Взаимный надзор и увещание – главная пат-зависимость российско-советской истории. Главное инкрементное изменение советской культуры – обличение как выявление личности.

Отсюда вытекает ряд непредвиденных следствий советской системы: переплетение православных корней работы над собой с партийным самовоспитанием привело к становлению массового лицемерия; взамен действительной сознательности культивировалась публичная лояльность принятому образу жизни; покорное участие в ритуалах системы, подавляющей политические свободы, давало все больше социальных свобод, гарантирующих потребление и преуспевание взамен свободы совести; преобразование подвластных партийно-хозяйственному активу предприятий в частную лавочку.

В СССР сложилось иное соотношение формальных и неформальных правил, нежели полагает Д. Норт. Неформальные правила и коллективы создавались не ради достижения духовных ценностей (типа чести и справедливости), а для противостояния администрации и охватывали пенитенциарную систему, армию и диффузные группы. Эти группы культивировали советские механизмы интеграции и были поглощены циничной борьбой за увеличение материального достатка и социальное признание. Советская система дара состоит в отбрасывании истины и тотальной социальной лжи. Политическая рутина на закате советской власти базировалась на логике церковного суда и привела к становлению неформальных практик обличения (празднование дней рождения) как аналога официальных мероприятий (типа юбилеев). Советские коллективы эволюционировали в мафиозно-гангстерские группы, а новая культура (комплекс инкрементных изменений) базировалась на традициях православия, а не революции.

На основе проведенного исследования О. Хархордин высказывает продуктивную гипотезу: российский человек опирается на покаянные практики в двух третях ситуаций повседневной жизни, а в одной трети – на исповедальные; англо-американцы – наоборот. Надо изучать тонкие кросс-культурные различия и отбросить сравнение «коллективистской России» и «индивидуалистического Запада» [2, с. 481-482].

В целом, история России после 1985 г. – это выворачивание наизнанку советского официального дискурса, в котором накапливались ценности индивидуализации без признания в этом. Ни православный, ни коммунистический дискурс не соответствовал реальности, хотя оба реализовали все перечисленные свойства. «Отвергнув коммунистические ценности в 1991 г., большинство российских граждан не смогли или не захотели отказаться от повседневных практик, составлявших привычный фон для дискурса об этих ценностях» [2, с. 443].

По сравнению с дореволюционным крепостничеством и советской эпохой, нынешняя ситуация почти не изменилась: «Неприкосновенными остались иерархия отношений начальников и подчиненных, беззащитность «маленького человека», вопиющая дифференциация доходов, влияние денег и служебного положения, «несуны» и взяточники, лакейство и чиновничество, сексоты и «подрывная деятельность», протекция и кумовство...» [3] Государственное закрепощение также сохраняется по сей день.

Ссылки:

1. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2003. С. 303.
2. Хархордин О. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб.; М., 2002.
3. Карпусь И.А. Свое и чужое. Дневник современника. 2001-2005. Омск: ООО ИПЦ «Сфера», 2005. С. 264.

References (transliterated):

1. Lubyanka. Organy VCHK-OGPU-NKVD-NKGB-MGB-MVD-KGB. 1917-1991. Spravochnik / Sost. A.I. Kukurin, N.V. Petrov. M.: MFD, 2003. S. 303.
2. Kharkhordin O. Oblichat' i litsemerit'. Genealogiya rossiyskoy lichnosti. SPb.; M., 2002.
3. Karpus' I.A. Svoje i chuzhoye. Dnevnik sovremennika. 2001-2005. Omsk: OOO IPTS «Sfera», 2005. S. 264.